

П.Ф. Брож, И. Матюшин, Ю. Барановский, Ф. Герасимов

**Герои и деятели Русско-Турецкой войны
1877-78 года**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Ф. Брож**
Герои и деятели Русско-Турецкой войны 1877-78 года / П.Ф. Брож, И. Матюшин, Ю. Барановский, Ф. Герасимов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 202 с.

ISBN 978-5-458-12072-2

Двадцать художественно-исполненных портрета с подробными биографиями и описанием выдающихся событий войны.

ISBN 978-5-458-12072-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Капитанъ Ѳ. Э. Штоквичъ

II

23-хъ-дневная оборона Баязетской цитадели.

Нужественная и храбрая оборона баязетской цитадели займетъ, безспорно, одну изъ блестящихъ страницъ современной войны, явившей уже столько необыкновенныхъ подвиговъ отваги и героизма нашего войска. Горсть русскихъ удалцевъ, окруженная многочисленнымъ непріателемъ, въ теченіи 23-хъ дней отбивалась отъ врага и, не смотря на страшныя лишенія, рѣшилась защищаться до послѣдняго человѣка. Въ этомъ славномъ рѣшеніи, какъ и во всемъ, что было перенесено гарнизономъ цитадели за время обороны, какъ нельзя лучше сказывается глубокое пониманіе русскимъ воинствомъ обязанностей, налагаемыхъ на него честью и долгомъ; этимъ же пониманіемъ объясняются и всѣ тѣ чудеса храбрости, которыя были показаны въ нынѣшнюю войну всѣми, отъ генерала и до солдата. Страницы русской военной исторіи, наполненныя именами безсмертныхъ героевъ, упрочившихъ за русскимъ войскомъ славу неустрашимыхъ защитниковъ отечества, украшены теперь именами новыхъ героевъ, покрывшихъ себя неувядаемою славю; къ числу ихъ принадлежитъ и славный защитникъ баязетской цитадели, капитанъ Ѳедоръ Эдуардовичъ Штоквичъ.

Ѳ. Э. Штоквичъ (Штокфишъ), не смотря на свою нѣмецкую фамилію, представляетъ собою исчезающій типъ стараго кавказскаго офицера. Онъ происходитъ изъ дворянъ Тифлиской губерніи, родился въ 1828 году и православнаго исповѣданія. Его отецъ также прославился подъ стѣнами другой турецкой крѣпости—Карса, въ турецкую кампанію 1828—29 годовъ. Онъ взорвалъ пороховой погребъ, рѣшившій участь крѣпости. Самъ онъ заплатилъ за свой геройскій подвигъ жизнью: послѣ взрыва нашли лишь его орденъ, бывшіе на немъ въ этотъ день; ни тѣла, ни частей его нигдѣ не оказалось... Ѳ. Э. Штоквичъ, получивъ воспитаніе въ тифлиской губернской гимназіи, поступилъ въ военную службу, въ 1847 году унтеръ-

офицеромъ; въ томъ же году былъ переименованъ въ юнкера, а въ 1849 году произведенъ въ прапорщики. Съ этого момента начинается боевая служба Штоквича. Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, дѣлахъ и стычкахъ на Кавказѣ, въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія, до окончательнаго прекращенія военныхъ дѣйствій въ этой отдаленной окраинѣ. За отличіе въ сраженіи подъ Баяндуромъ, 2-го ноября 1853 года, онъ былъ произведенъ въ подпоручики; за отличіе въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, 19-го ноября 1853 года, награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». Затѣмъ *О. Э. Штоквичу* пришлось запечатлѣть кровью свое участіе въ достопамятномъ сраженіи при сел. Кюрюкъ-Дара, 24-го іюля 1854 года. Какъ извѣстно, въ этотъ день 20-тысячный александропольскій отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта кн. Бебутова, разбилъ на голову 60-тысячный турецкій корпусъ. Трофеями нашими были:—15 орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамени, 4 штандарта, 20 значковъ, множество оружія, барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и около 700 палатокъ; кромѣ убитыхъ и раненыхъ, непріятель потерялъ 2,018 плѣнными. Въ этомъ сраженіи Штоквичъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты въ правое предплечіе, а также раненъ въ руку пулею на вылетъ. Въ награду за оказанное отличіе онъ былъ произведенъ въ поручики. Слѣдующій чинъ штабсъ-капитана достался ему также за боевое отличіе, въ дѣлѣ подъ ауломъ Веденъ, 10-го марта 1859 года. Онъ участвовалъ также въ послѣдующей экспедиціи, завершившейся взятіемъ Гуниба и плѣченіемъ Шамля. Второе десятилѣтіе своей службы, *О. Э. Штоквичъ* провелъ во фронтѣ, командуя ротой, а съ 1870 до февраля 1875 года служилъ по интендантскому вѣдомству кавказскаго военнаго округа. Въ послѣднее время онъ былъ переведенъ въ тифлискій линейный батальонъ, нынѣ тифлискій мѣстный полкъ, откуда и былъ откомандированъ въ распоряженіе заведывающаго эксплуатаціею войскъ, въ какомъ мѣстѣ и застало его назначеніе баязетскимъ комендантомъ. Этимъ назначеніемъ Россія обязана генералъ-маіору кн. Амилахвари, начальнику кавалеріи въ эриванскомъ отрядѣ, одному изъ блестящихъ кавалерійскихъ генераловъ нашей арміи. По взятіи Баязета, когда рѣчь зашла о выборѣ лица для назначенія на должность коменданта, представляющую больше опасности, чѣмъ выгоды, кн. Амилахвари первый указалъ на Штоквича; генералъ Тергугасовъ одобрилъ этотъ выборъ, а Лорисъ-Меліковъ тѣмъ охотнѣе согласился на это назначеніе, что капитанъ Штоквичъ состоялъ при немъ, во время управленія имъ Карсомъ въ прошлую кампанію. *О. Э. Штоквичъ* женатъ на дочери маіора кавказскаго линейнаго батальона, Поподжанова.

Передавъ о прошлой службѣ Штоквича все тѣ свѣдѣнія, которыя были сообщены въ нашихъ газетахъ, переходимъ къ описанію 23-хъ дней обороны баязетской цитадели, обезсмертившей имя славнаго начальника ея. Обстоятельства, заставившія горсть русскаго войска запереться въ цитадели и выдержать осаду, заключались въ слѣдующемъ:

Послѣ перехода 15 апрѣля нашего эриванскаго отряда за границу, населеніе Курдистана все время, при появленіи нашихъ войскъ, смиренно являлось съ изъявленіемъ покорности, непокидало своихъ жилищъ, неугоняло стадъ, вело съ нами торговлю и имѣло свободный доступъ въ нашъ лагерь. Курды завѣряли постоянно, что никогда не начнутъ противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій, такъ какъ, будто бы, недовольны турецкимъ правительствомъ; и дѣйствительно, курды вели себя достаточно честно, когда нашъ отрядъ стоялъ почти въ центрѣ Курдистана; но лишь только войска двинулись впередъ, какъ отовсюду стали доходить тревожные слухи о поголовномъ возстаніи противъ насъ курдовъ. Въ началѣ же іюня стало уже положительно извѣстно о громадныхъ скопищахъ курдовъ, присоединившихся къ непріятельскому отряду, задумавшему обложить занятый нами Баязетъ. 4-го іюня явно враждебное къ намъ отношеніе курдовъ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ этотъ день они напали на стада, принадлежавшія жителямъ Баязета и отбили до 1,000 головъ. Начальникъ отряда, расположеннаго около Баязета, подполковникъ Пацевичъ, узнавъ о перемѣнѣ настроенія курдовъ и о сборѣ ихъ въ шайки и желая узнать силы непріятели, по слухамъ, двигавшагося къ Баязету, рѣшилъ предпринять 6-го іюня рекогносцировку къ сторонѣ крѣпости Ванъ. Въ видахъ усиленія находящихся въ его распоряженіи войскъ, онъ потребовалъ къ себѣ коменданта Баязета Штоквича и приказалъ ему дать изъ гарнизона одну роту. Штоквичъ воспротивился такому приказанію, указывая на то, что и весь-то гарнизонъ состоялъ изъ двухъ ротъ, изъ которыхъ одна всегда была въ расходѣ, находясь въ караулѣ; но полковникъ Пацевичъ приказалъ ротѣ слѣдовать за нимъ на рекогносцировку.

Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Пацевича, выступилъ изъ Баязета въ 5 часовъ утра 6-го іюня. Около 11 часовъ утра въ крѣпости услышали уже перестрѣлку за горой, къ сторонѣ озера Вапа, а вскорѣ на гребнѣ горы показались казачьи коноводы, ведшіе лошадей спѣшенныхъ казаковъ; вслѣдъ за коноводами показалась вдругъ густая цѣпь стрѣлковъ-казаковъ, отступавшая чуть не бѣгомъ. Непріятельская конница обхватывала оба фланга отступавшихъ и сначала держалась шагахъ въ 800, а затѣмъ стала насѣдать и уже неодинокими людьми, а цѣльями массами. Капитанъ Штоквичъ, видя затруднительное положеніе отступавшихъ, вызвалъ

крѣпостной караулъ для прикрытія, и вскорѣ наши войска, отстрѣливаясь, въ порядкѣ вступили въ крѣпость, или вѣрнѣе въ Баязетскую цитадель, для упорной обороны. Съ момента вступленія войскъ въ крѣпость, главное начальствованіе надъ ними, согласно существующему военному закону, перешло къ капитану Штоквичу *).

Во время отступленія нашихъ войскъ, когда они шли городомъ, то по нимъ сами курды открыли огонь изъ своихъ домовъ. Стрѣляли даже женщины!... До самой ночи 6-го числа огонь продолжался непрерывно и внутренний дворъ крѣпости обстрѣливался съ окружающихъ высотъ. Ночью, при заревѣ пожаровъ, гарнизонъ увидѣлъ въ городѣ страшную картину: мусульмане рѣзали армянъ, не разбирая ни пола, ни возраста... Недорѣзанныхъ женщинъ и дѣтей они кидали въ огонь... Отовсюду слышались страшные крики, стоны и рыданія... Солдаты просто плакали, глядя на происходящее... Такія картины повторялись три ночи подъ-рядъ, съ тою разницею, что въ варварствѣ принимали участіе не одни курды, но и регулярная турецкая пѣхота и — что всего ужаснѣе — сами курдинскія женщины!...

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ описанію мужественной защиты цитадели, посмотримъ, что было сдѣлано комендантомъ для приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе.

Прежде всего, Штоквичъ приказалъ смотрителю госпиталя, еще 4-го числа, наполнять водою изъ родника всю свободную посуду, какъ-то: бочки, ваши, ладьи, котлы и пр. Вода мѣнялась черезъ два дни. Двумъ ротамъ гарнизона приказано было наливать по вечерамъ водою всѣ котелки солдатскіе и выливать воду по утрамъ. Дѣлалось это для запаса на случай, если непріятель отрѣжетъ воду.

Госпитальной командѣ розданы были ружья отъ больныхъ, а 50 человекъ пересыльныхъ нижнихъ чиновъ получили изъ склада 12 скорострѣльныхъ турецкихъ ружей съ 60 патронами на каждое, и 38 ружей отъ больныхъ.

Всѣ окна въ домахъ были заложены камнями, оставлены были только узкія бойницы для ружей, а на крѣпостныхъ стѣнахъ наложены изъ кам-

*) Здѣсь кстати будетъ сказать, что подъ командой капитана Штоквича къ началу осады оказалось лишь штабъ-офицеровъ старшихъ его чинами. Но таковъ уже военный законъ, что комендантъ при осадѣ первое лицо и всѣ ему подчиняются. Въ отношеніи къ гарнизону крѣпости и жителямъ, комендантъ осажденной крѣпости получаетъ права командира отдѣльнаго корпуса. Права эти тѣ же, что и главнокомандующаго, за исключеніемъ права назначать награды за подвиги. Приказанія коменданта исполняются какъ Высочайшія повелѣнія. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, комендантъ можетъ окончательно подтвердить приговоры полевого суда, даже къ смертной казни, предавая дѣлу направиленію въ кассационномъ порядкѣ и только, по исполненіи приговора, обязанъ представить подлинное дѣло въ главный военный судъ.

ней закрытія для стрѣлковъ. Для орудій же такое закрытіе сдѣлано изъ мѣшковъ.

Съ 6-го числа, когда непріятель обложилъ крѣпость и когда все войска поступили подъ непосредственное начальство Штоквича, — крѣпость была распредѣлена на участки. Первый и второй дворъ были заняты войсками, при чемъ казакамъ были предоставлены самые опасные пункты, какъ то: все верхнія окна надъ крѣпостными вергами, въ мечети и минаретѣ. Кроме того, они должны были дать по 6 человекъ отъ сотни лучшихъ стрѣлковъ въ помощь караулу надъ воротами. Въ каждомъ дворѣ дежурила одна рота. Все офицеры должны были безотлучно находиться при своихъ частяхъ, расположенныхъ подъ открытымъ небомъ во дворахъ, кроме тѣхъ, которые подвергались дѣйствию орудійнаго и ружейнаго огня, и потому укрывались въ казармахъ. Караулы обязаны были смѣняться въ 7 часовъ утра, кроме крѣпостныхъ верговъ, гдѣ, во избѣжаніе потерь при скопленіи людей, смѣна назначена когда стемнѣетъ.

6-го числа, по вступленіи въ крѣпость, гарнизонъ состоялъ: изъ 5 штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ, 126 унтеръ-офицеровъ и 4,461 рядоваго.

Въ первый день выбало два штабъ-офицера, раненъ тяжело подполковникъ Пацевичъ и убитъ подполковникъ Кавалевскій.

При занятіи войсками цитадели Штоквичъ надѣялся, что черезъ посредство оставшихся въ городѣ армянъ можно будетъ доставать продовольствіе для гарнизона. Турки, очевидно, предъугадывали предположенія коменданта и, предавъ жителей ужасному избіенію, болѣе молодыхъ изъ нихъ отвели въ крѣпость Ванъ; имущество-жь армянъ было совершенно расхищено и сожжено. Въ виду неизвѣстности продолжительности осады и такъ какъ ни въ одной части войска не было 8-ми дневнаго запаса сухарей, Штоквичъ приказалъ *уменьшить* дачу на 1 фунтъ. Съ 6-го іюня была прекращена также и варка горячей пици для гарнизона, за исключеніемъ госпиталя, а дача воды опредѣлена по кружкѣ въ день на человекъ. Мѣра эта была принята вслѣдствіе того, что непріятель дѣйствительно *забилъ* родникъ, изъ котораго крѣпость получала воду. Офицеры и чиновники пользовались сухарнымъ и водянымъ довольствіемъ наравнѣ съ солдатами.

На слѣдующій день крѣпостныя ворота были завалены камнями, такъ какъ деревянное полотно воротъ легко пробивалось пулями. Убитыя наканунѣ лошади сброшены съ крѣпостныхъ стѣнъ, а для людей устроены общія могилы въ подвалахъ; по наполненіи двухсаженной (въ глубину) ямы, земля сверху утрамбовывалась.

8-го іюня къ осаждающимъ прибыла артиллерія. Обстрѣлявъ нѣкоторое

время крепость, турки бросились на штурмъ, но были встрѣчены такъ твердо, что въ концу 2-го часа, должны были отступить на разстояніе дальняго выстрѣла, и наши орудія перешли отъ картечи къ гранатамъ. Турки оставили подъ стѣнами до 300 тѣлъ, унеся съ собою также не малое число. Двѣ ночи подъ-рядъ они порывались подобрать своихъ убитыхъ, но каждый разъ оставляли только новыя жертвы. Наконецъ, на 3-й день, вслѣдствіе наступившихъ жаровъ и развившаго гніенія, заражавшаго воздухъ, комендантъ послалъ письмо, въ которомъ обѣщалъ не стрѣлять при уборкѣ тѣлъ. Съ 9 числа порція воды уменьшилась до $\frac{1}{2}$ *крышки* въ день, не смотря на то, что усилившаяся жара вызывала необычайную жажду. Такъ какъ запасъ воды уже приходилъ къ концу, то собранный военный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать ночью трапшею или углубленную дорогу, до оврага, гдѣ протекаетъ ручей, въ 300 шагахъ отъ крепости. Для этого въ прикрытіе рабочимъ было назначено 25 казаковъ, а команда для носки воды получила деревянныя ведры и бурдюки, вообще такую погоду, которая не производила бы шума. Съ этою цѣлью желѣзныя ведра давались только по одному на человѣка, а солдатскіе котелки были строго запрещены. Не смотря однако на всѣ принятыя мѣры предосторожности, рабочіе все таки произвели такой шумъ, что привлекли вниманіе турокъ, которые открыли огонь изъ домовъ и тѣмъ заставили прекратить носку воды.

10-го числа запасъ воды въ госпиталѣ изсякъ, и съ этого времени больные и раненные стали получать воду изъ общаго запаса, по 1 крышкѣ утромъ и вечеромъ.

Дача сухарей уменьшена на $\frac{1}{2}$ фунта.

Ночью снова попытались сдѣлать вылазку за водой и снова неудачно. Поэтому на другой день военный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать дневную вылазку въ 5 часовъ вечера, чтобы выбить непріятеля изъ ближайшихъ къ ручью домовъ и кстатіи узнать: куда дѣвались главныя силы его, неподающія о себѣ два дня никакихъ признаковъ и даже прекратившія орудійный огонь. Непріятель никакъ не ожидалъ, чтобы осажденные рѣшились сдѣлать вылазку среди бѣлаго дня, а потому вылазка удалась блистательнымъ образомъ: засѣвшія въ домахъ были истреблены и рабочіе спокойно набрали воды.

Въ госпиталѣ насталъ праздникъ: было изъ чего варить «горячее» и даже хватило воды на печеніе хлѣба. Сухари однакоже были на исходѣ, а потому съ 15-го числа порція уменьшилась до $\frac{1}{4}$ *фунта*. 16-го числа умеръ подполковникъ Пацевичъ. — 17-го числа Штоквичъ издалъ слѣдующій приказъ:

«Для сбереженія запаса сухарей на болѣе продолжительное время, единовременно съ вылазкою за водой, назначить по нѣскольکو человѣкъ отъ

каждой части для принесенія изъ оставленныхъ жителями домовъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, а потому обыкновенное прикрытiе изъ двадцати пяти человѣкъ увеличить до пятидесяти.»

Вылазка оправдала надежды, а потому въ дневномъ приказѣ Штоквича было объявлено: «дача сухарей по сей день отмѣняется. Нижнимъ чинамъ варить горячую пищу изъ принесенныхъ припасовъ». Приказъ окончивался словами: «сего числа повторить вылазку, съ цѣлью добыть съѣстныхъ припасовъ.» И на этотъ разъ фуражировка была совершена удачно, а потому въ приказѣ 19-го числа дача сухарей была отмѣнена и люди варили «горячее».

Въ этотъ день фуражиры были встрѣчены огнемъ турецкихъ стрѣлковъ и воротились почти ни съ чѣмъ. Но такъ какъ въ предъидущія счастливыя вылазки былъ сдѣланъ порядочный запасъ, то и на 20-е число сухарей не выдавалось. Съ этихъ поръ турки стали зорко сторожить наши вылазки и каждый разъ къ 5 часамъ были уже на готовѣ. 20-го числа они отбили нашу вылазку въ самомъ началѣ, а потому на другой день гарнизону было выдано всего по $\frac{1}{8}$ фунта, или по *4 лота сухарей* въ день на человѣка.

Больные, впрочемъ, и на этотъ разъ получили горячую пищу. Антекарская порція сухарей, выданная гарнизону 21-го июня, была, впрочемъ, приправлена радостною вѣстiю: было получено сообщенiе отъ начальника штаба Эриванскаго штаба о слѣдующей къ Баязету выручкѣ, которая должна была прійти не позже 22-го числа.

Но наступило и 22-е число, а выручки нѣтъ какъ нѣтъ и выстрѣловъ не слышно. Попробовали-было сдѣлать вылазку—отбита... На слѣдующій день, 23-го числа, появляется обычнымъ порядкомъ коротенькій приказъ по гарнизону: «По случаю неудавшейся вылазки за водой, выдать больнымъ по крышкѣ воды,—а на остальной гарнизонъ, по четверти крышки».

Жара, тѣмъ временемъ, стоитъ нестерпимая!

— Вотъ, братъ—подшучиваетъ надъ собственнымъ горемъ какойнибудь солдатикъ:—не разстарался вчерась, теперь и получай черезъ день по ложкѣ. Какъ нарочно 24-го числа появляется приказъ: «По случаю неудавшейся вчерашняго числа вылазки за водой—выдать больнымъ по крышкѣ воды, а остальнымъ *по ложкѣ*».

— Типунъ-бы тебѣ на языкъ: ишь напорожилъ, — бранятъ вчерашняго балагура.

Турки, вполне убѣжденные, что гарнизонъ крѣности, рано или поздно долженъ будетъ сдаться, съ каждымъ днемъ усиливали свой надзоръ. Но видя, что русскимъ впервые время удалось сдѣлать нѣсколько удачныхъ

вылазокъ, рѣшились заставить сдаться голодомъ. Съ этою цѣлью непріятель увеличилъ свою стражу и дѣйствительно отбилъ нѣсколько вылазокъ. Полагая, что гарнизонъ уже умираетъ съ голоду, со стороны турокъ являлся въ крѣпость нѣсколько разъ сынъ Шамиля и уговаривалъ капитана Штоквича сдаться, представляя всю безуспѣшность защиты. Въ одно изъ такихъ свиданій Штоквичъ нашелся.

Неужели, сказалъ Штоквичъ, вашъ батюшка никогда вамъ не говорилъ, что русскіе не сдаютъ крѣпостей, а сами берутъ.

Послѣ этого отвѣта Шамиль уже не ѣздилъ на свиданіе и пересталъ писать письма, которыя присылались имъ чуть не ежедневно. Вотъ полученныя Штоквичемъ письменныя предложенія, безъ измѣненія ихъ орфографіи.

«Севодня, пишетъ Шамиль,—мы присланы съдѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта для увѣренія васъ что въ моей личности можетъ сложить оружіе и увѣряю васъ что вся ваша личность будетъ обезпечена и прежни поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительства строго поискиваетъ и въ перодъ ничего подобнаго неповторится и я всѣ мои средства употреблю васъ честно сохранить отъ всѣхъ худыхъ послѣдствій если хотитѣ для переговора за утра пришлю моего родственника собственнаго Его Величества конвой отставной ротмистръ Дауднова въ объявить свое желаніе завтра въ 7 часовъ утра.»

«Генераль-Лейтенантъ Свиты Его Величества султана *Шамиль*»

На это письмо отъ 9-го іюня комендантъ отвѣчалъ письменно только позволеніемъ убрать мертвыя тѣла, оставшіеся послѣ штурма.—24-го іюня Штоквичъ получилъ новое письмо, слѣдующаго содержанія:

«Отъ Главнаго Командира распоряженіе прислано еще разъ обратиться къ Вамъ если оружіе сложитѣ мирно безбѣтъ Вамъ всѣмъ честно по чинамъ обезпечено всѣ Ваши желаніе. Вѣроятно Вамъ извѣстно что не получитѣ никакой помощи напрасно время не проводитѣ мы знаемъ ваши положенія, послѣ этого увѣряемъ васъ что неостанется ни одного и послѣдствіе будетъ зависить отъ Васъ, ожидаемъ отъ васъ свѣденія до вечера

«Находящійся въ этой минутѣ и присланы для вашего обезпеченія

«Полякъ Маіоръ І. Комеръ» 24 іюня 1877 г.

Въ отвѣтъ на это письмо былъ посланъ только поклонъ Шейхъ-Али пашѣ. Вскорѣ было получено новое письмо:

«24 іюня 1877 г.

«Командующему въ Баязетской крѣпости.

«На посланное вамъ письмо до сихъ поръ никакаго отвѣта не получено, во время прежняго переговора я самъ здѣсь пріѣхалъ пузнавъ о вашемъ положеніе, и находящееся съ вами женщины тронуты челоуѣ-

ческимъ чувствомъ предлагаю вамъ изъ моей стороны во время сложенія оружія содержаніе всѣхъ человѣческихъ условій и въ томъ не только изъ стороны правительства но и отъ себя честнымъ моимъ словомъ увѣряю— время до завтра утра 7 часовъ извѣстія ожидаю.

Генераль Губернаторъ Ерзерумскаго
Виляята и Г. Командиръ *Исмаилъ-паша.*»

Въ отвѣтъ Штоквичъ снова послалъ поклонъ Шейхъ-Али-пашѣ. Турки очевидно не могли успокоиться и черезъ нѣкоторое время прислали слѣдующее посланіе:

«Хотя нихотитѣ никакихъ условій однако моя обязанность, еще разъ обращаюсь вамъ напрасно не ожидайте отъ своихъ ничего теперь — а я имѣю распоряженіе васъ увѣрить отъ правительства турецкаго что вся вѣжливость будетъ сохранена

Ахмедъ»

Вмѣсто отвѣта, Штоквичъ *велѣлъ повѣститъ* переговорщика, такъ какъ онъ оказался нашимъ лазутчикомъ, служившимъ на жалованьи у прежняго коменданта, подполковника Ковалевскаго.—Но переходимъ къ описанію положенія гарнизона, его больныхъ и раненыхъ. Для послѣднихъ насталъ «великій постъ»: по недостатку воды не на чемъ было замѣсить хлѣба, а потому 24 числа больнымъ было отпущено $\frac{1}{4}$ фунта сухарей. Понятно, само-собою, что если ужъ больные получаютъ по $\frac{1}{4}$ фунта, то гарнизону значитъ во все ничего не приходится... Дѣйствительно, въ приказѣ Штоквича было сказано: «а для продовольствія гарнизона *заръзати мою* и исправляющаго должность плацъ-адъютанта *поручика Ягнотковскаго лошадей*, такъ какъ оставшееся небольшое количество сухарей необходимо для больныхъ.»

Люди приуныли: конина безъ всякой приправы и даже безъ черстваго сухаря—совсѣмъ необычное для русскаго блюдо!

Комендантъ счелъ нужнымъ приободрить людей и заключилъ серію приказовъ 24-го числа слѣдующемъ воззваніемъ:

«Баязетскіе герои! Вы достойны этого названія, потому что до сихъ поръ твердо и безропотно переносите всѣ лишенія, кои вы претерпѣваете, будучи заключены въ эту крѣпость. Крѣпитесь, друзья, *крѣпитесь на будущія лишенія: предстоятъ еще большія*; притомъ, не теряйте надежды на освобожденіе; будьте увѣрены, что къ намъ спѣшатъ на выручку, но что непредвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ нашихъ освободителей. *Во всякомъ случаѣ, помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава нашего Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ*, а не поддадимся на всѣ ухищренія нашего против-

нива, предлагающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните, друзья, что Богъ насъ видитъ и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей его; а потому Опъ насъ неоставитъ.»

Это простое, идущее къ сердцу слово, пробудило гарнизонъ, который къ тому же былъ обрадованъ неожиданнымъ счастьемъ: ночью выпалъ вдругъ проливной дождь, какъ будто для того, чтобы было чѣмъ «вспрыснуть» копину... Такою неожиданною благодатью гарнизонъ конечно воспользовался, всѣ набрали воды во все, во что только было возможно, даже въ сапоги; поэтому на 25-е число велѣно госпиталю варить горячую пищу и выдать по $\frac{1}{4}$ фунта сухарей, а гарнизону на каждую роту и сотню дать по $1\frac{1}{2}$ пуда *ячменя*, который столочь и сварить. Кромѣ того приказано зарѣзать одну изъ оставшихся въ живыхъ 4-хъ артиллерійскихъ лошадей.

Вылазки за водой въ этотъ день уже не дѣлалось. Предлагалось усыпить бдительность турокъ. Послѣдніе, между тѣмъ, не удовольствовавшихъ категорическимъ отвѣтомъ на послѣднее посланіе и прислали Штоквичу новое письмо:

«Вчера, пишетъ въ этомъ письмѣ Шамиль, я вамъ забылъ извѣстить о положеніи закавказскаго войска ге: Лорисъ-Меликовъ имѣя желаніе свои войска соединить изъ генераломъ Терхухасовымъ въ Ерзерумъ, будучи побиты въ сраженіи Сованлы дагъ вернулся назадъ и одступилъ отъ Карса — какъ Г. Терхухасовъ будучи въ несколько сраженіи побѣденъ съ потерю около семи тысячи. въ среду перешелъ границу—остались только вы въ этой крѣпости, потому я обращаюсь къ вамъ изъ чувствомъ чисто человѣческимъ чтобы васъ избавить отъ очевидной потери и потому это извѣстіе вамъ посылаю какъ съ тѣмъ и моего родственника ротмистра Даудова для словесаго переговора и вашего забезпеченія еще разъ совѣтую вамъ напрасно не продолжайте времени и присылайтѣ свое условіе или каво-нибудь для переговора.

«Генераль-Лейтенантъ Его Величества
Султана *Шамиль*»

25 іюни 1877 г. Баязеть.

Отвѣчено поклономъ панѣ съ просьбою о насъ не беспокоиться. Но такъ какъ турки продолжали бомбардировать письмами, то въ послѣднемъ отвѣтѣ Штоквичъ прибавилъ:

«Если вы такъ сильно желаете взять крѣпость—берите насъ силою. Русскіе живыми не сдаются. По первому же высланному переговорщику приказу стрѣлять».

Съ тѣхъ поръ предложенія о сдачѣ больше уже не присылалось.

26-го числа въ части гарнизона выдано было только по одному пуду